

ПЕРЕД БОЕМ

...Под пригорком притаился похожий на доисторического мамонта танк. Слипшиеся нити маскировочной сети, словно шерсть, свисали с приваренного к корпусу «мангала». За ними и спрятались наши бойцы, изредка вглядываясь в хмурое небо, где уставших «птичек» сменяли новые, и по тархтению было не разобрать – свои они, или чужие.

Алексей получил задачу штурм. Он еще не успел все до конца обмозговать, но уже понял, что его подразделению предстоит самое трудное. Алексей оглядел бойцов. Не в его командирской привычке было делить солдат на плохих и хороших: кого дали, с тем и воюй, не капризничай. Но на эту операцию должны пойти самые лучшие.

В своих земляках-очёрцах Алексей был уверен, как в себе самом. Мечта любого командира – уральские парни. Надежные, как автомат Калашникова. Терпеливые и неприхотливые в жару и холод. Все умеют – кашу из топора сварить, в ливень костер одной спичкой разжечь. Хитрющие, смекалистые – в бою толпу цыган обмишурят. А в миру – честные до простодушия, чужое взять – ни-ни!

Поэтому на своих, очёрских, он даже не смотрел, словно был с ними одним целым. Но остальных в бою еще не видел. Когда Алексей объяснил им задачу, пожилой мужичок, похожий на Кузьмича из «Особенностей национальной охоты», в раздумье отвернулся. Он пожил на белом свете и знал, что шансов вернуться живым с таких операций – один шиш из ста. А уж ему-то, случись что дурное, с одышкой и застарелым артритом, улизнуть от «старухи с косой» будет весьма проблематично. Но свой дом он уже построил, деревьев насадил полный лес, и дети давно уже выросли, нарожали внуков, и его задача здесь по-стариковски простая – по возможности сделать так, чтобы эти пацаны в замурзанных «камках», ровесники его Пашки, Димки и Зойки, тоже оставили потомство. Поэтому, когда придется, он станет на пути страшной старухи, и она поперхнется им, хоть на несколько секунд подавится его бренными костями, а мальчишечкам, может, их в аккурат и хватит, чтобы выжить.

«Батёк со мной разговаривать перестанет, если оставлю его, – улыбнулся Алексей. – Старый солдат штыком не подавится!»

Не усомнился он и в пермяке-очкарике, на котором форма сидела как на грибнике. Абсолютно не военный с виду человек, с вечно пацифистским настроением и интеллигентскими разговорчиками. «Не люблю бряцать оружием, и стрелять терпеть ненавижу!» – рассуждал он. И автомат-то

держал с девчачьей неловкостью, а вот на стрельбах перепулял самого Алексея.

– А кто-то говорил, что не любит стрелять, – присвистнул Алексей.

– Не люблю. Но я же не говорил, что не умею, – пожал плечами пермяк.

«Этот сгодится», – подумал Алексей.

Но первым, как всегда, сказал свое слово самый боевой, никогда не надевавший «броник», вечно посвистывающий и припевающий, поплёвывавший на дисциплину веселый здоровяк:

– А пошло оно всё к едреням! Я с тобой, командир! Пропадать, так с огоньком. Чтоб всем курвам тошно было! Верно, братухи? И никто не узнает, где могила моя...

– Пропадать? – Алексей прострелил бойца пронзительным взглядом. Он это умел. – Мы не камикадзе, брат!

Алексей понял, что не возьмет с собой этого мужественного, сильного парня, чей солдатский опыт ух как пригодился бы там, в занятом укронацистами селе. Он видел, как тот отчаялся, как устал от войны настолько, что готов пропасть еще до боя. Выгорел, обезумел от смертей своих товарищей, что и своя смерть кажется забавным, как в компьютерной игре-стрелялке, пустячком. Надеяться на такого в опасном деле нельзя. Если свою жизнь ни в грош не ценит, то уж про товарищей своих даже думать забудет. Подведет, психанет в самый важный момент, сгинет ни за грош и унесет с собой тех, кто не думал помирать.

Но Алексей понимал его чувства. Его тоже не однажды захлестывало подобное отчаянное безумие. Еще в родном Очёре, на похоронах своих друзей...

Ему казалось, что все смотрят на него и безмолвно упрекают: как ты, такой здоровый и опытный, обретаешься в тылу, когда гибнут твои товарищи, трусишь, наверно? Глядя в ненасытное черное чрево могилы, пожиравшее очередного земляка, он не раз силой воли давил рвущуюся наружу решимость: «А-а, да пошло оно всё – завтра же иду в военкомат!»

Но вот это «оно это всё», что подразумевалось послать, было смыслом его жизни, самым дорогим на свете. И как можно бросить на дурацкое «слабо» жену и детей, своих учеников, юных спецназовцев, милых девчонок, которых научил играть в футбол. Алексей помнил, сколько важных дел было завязано его именем, его авторитетом, сколько людей ждало его помощи. Он понимал, что многое из того, что он холил и лелеял, ночей не спал, может рассыпаться в прах. И если идти на войну, то не из бравады и отчаяния. Есть

для этого иные причины, иные чувства, которые Алексей не уставал прививать своим воспитанникам – долг, совесть, любовь к Отечеству.

Он не считал себя безрассудно смелым. Просто, когда пришел его черед, не дожидаясь приказа, пошел на войну. И там, на войне, мог заставить себя в рост подняться под пулями и побежать туда, откуда стреляют, а не в обратную сторону. Мог, не показывая вида, преодолевать страх – чувство на передовой вполне обычное, ничуть не стыдное.

Алексей не впал в истерику, когда рядом, будто споткнувшись, упал друг, с которым еще вчера по очереди затягивались одной измятой сигаретиной и весело хохотали над какими-то забавными очёрскими воспоминаниями. И не шлепнулся в обморок, когда понял, что кровь, что хлестала из рваной раны, не остановить, и друг, отрешенно уставившийся в небо, уже не с ним.

Он не помер от ужаса, когда по нечаянности с ледящим вены хрустом наступил на «лепесток», который, к счастью, не взорвался. Лишь с лица сбледнел, но этого никто не заметил.

Он не стеснялся присесть, а если припрёт, то и залечь, когда прилёты нацистской «арты» надвигались все ближе и ближе. И смешки тех, кто предпочитал глупый риск здравому смыслу, его не трогали.

В закрытом гробу лежать вовсе не смешно...